

ЕВРОПЕЙСКИЙ СУД ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ДЕЛО КАСПАРОВ И ДРУГИЕ ПРОТИВ РОССИИ
(жалоба № 21613/07)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

СТРАСБУРГ
3 октября 2013

ВСТУПИЛО В СИЛУ
17/02/2014

Это постановление вступило в силу согласно статье 44 § 2 Конвенции. Оно может быть предметом редакционного пересмотра.

В деле Каспаров и другие против России,

Европейский суд по правам человека (часть первая), являющийся членом Палаты, в составе:

Президента Изабель Берро-Лефевр,

Судей

Миржаны ЛазароваТрайковска,

Джулии Лаффранк,

Линоса-Александра Сицилианоса,

Эрика Моса,

Ксении Туркович,

Дмитрия Дедова,

Съёрена Нильсена, *секретаря секции*,

на закрытом заседании 10 сентября 2013 года

вынесли следующее решение, принятое в тот же день:

ПРОЦЕДУРА

1. Дело, начатое по жалобе (№ 21613/07) против Российской Федерации, поданной 24 мая 2007 года в Суд в соответствии со статьей 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (“Конвенции”) девятью российскими гражданами: г-ном Гарри Кимовичем Каспаровым, г-ном Алексеем Валерьевичем Тарасовым, г-ном Николаем Владимировичем Харламовым, г-ном Николаем Викторовичем Калашниковым, г-ном Андреем Павловичем Тороповым, г-ном Александром Викторовичем Стельмахом, г-ном Юрием Николаевичем Орелем, г-ном Вячеславом Викторовичем Мелиховым и г-жой Оксаной Анатольевной Чельшевой (“заявители”).

2. Заявителей представляли г-жа К. Москаленко (первый, третий и девятый заявители), г-жа Михайлова (второй заявитель), г-жа О. Полозова (четвертый заявитель), г-жа Котеночкина (пятый, шестой, седьмой и восьмой заявители), адвокаты, практикующие в Москве. Российское правительство (“Правительство”) было представлено г-ном Г. Матюшкиным, представителем Российской Федерации в Европейском суде по правам человека.

3. Заявители заявляют о нарушении статей 10 и 11 Конвенции, которое выразилось в том, что представители власти не давали им возможности принять участие в публичном мероприятии в Москве 14 апреля 2007 года. Все заявители, за исключением девятого, также пожаловались на нарушение статьи 6 Конвенции, произошедшего в результате их привлечения к административной ответственности.

4. 4 января 2011 года жалоба была направлена Правительству. Тогда же было принято решение об одновременном рассмотрении приемлемости и существования жалобы (Статья 29 § 1).

ФАКТЫ

I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

5. Даты рождения и места проживания заявителей перечислены ниже:

- (1) Г-н Каспаров родился в 1963 году и проживает в Москве;
- (2) Г-н Тарасов родился в 1968 году и проживает в Москве;
- (3) Г-н Харламов родился в 1973 году и проживает в Москве;
- (4) Г-н Калашников родился в 1971 году и проживает в Москве;
- (5) Г-н Торопов родился в 1973 году и проживает в Орудьево, Московская область;
- (6) Г-н Стельмах родился в 1978 году и проживает в Москве;
- (7) Г-н Орел родился в 1968 году и проживает в Москве;
- (8) Г-н Мелихов родился в 1972 году и проживает в Королеве, Московская область;
- (9) Г-жа Челышева родилась в 1967 году и проживает в Нижнем Новгороде.

6. Описание обстоятельств дела, представленное сторонами, может быть обобщено следующим образом.

1. Демонстрация 14 апреля 2007 года

7. В 2007 года первый заявитель, вместе с другими лицами, представляющими коалицию оппозиционных групп, намеревались принять участие в антиправительственном выступлении в рамках кампании перед предстоящими парламентскими выборами. Демонстрация стала известна, как Марш несогласных. Она была организована тремя лицами, ни одно из которых не является заявителем в данном деле. 30 марта 2007 года они подали заявку на проведение публичной демонстрации в мэрию Москвы. В ней, в частности, они указали, что митинг будет проводиться 14 апреля 2007 года в Новопушкинском сквере с 12 часов, что он продлится до 13:30 и что продолжится шествием по улицам Тверской, Охотный ряд и по Театральной площади. Шествие должно было закончиться в 14.00. По их оценкам в мероприятии должно было принять участие около 2000 человек. В заявке было указано, что заявленное публичное мероприятие имеет целью “выразить требование российских граждан о немедленном восстановлении всей полноты избирательных прав через отмену всех законодательных поправок, принятых в последние годы”.

8. 5 апреля 2007 года Департамент региональной безопасности города Москвы проинформировал организаторов, что мероприятие воспрепятствует работе городских служб и передвижению прохожих. В связи с этим, разрешение предлагалось выдать только на митинг у памятника Грибоедову на Чистопрудном бульваре (в центре Москвы) между полуднем и 13:30 часами; а количество участников не должно превышать

максимальной вместимости данного местоположения – одной тысячи человек. Марш не был разрешен.

9. 6 апреля 2007 года организаторы вновь подали заявку, предлагая четыре альтернативных маршрута шествия, все в центральной части Москвы, и соглашаясь ограничить число участников тысячей человек.

10. 10 апреля 2007 года Департамент региональной безопасности города Москвы проинформировал организаторов, что ни одна из предложенных ими альтернатив неприемлема по тем же причинам, по которым была отклонена изначальная заявка. Организаторам предлагалось провести мероприятие в одном из аэроклубов в пригороде Москвы.

11. Документы, представленные Правительством, показывают, что 14 апреля 2007 года московская милиция была усилена подразделениями ОМОН, специально для этого собранных из двадцати девяти регионов страны "для охраны порядка и безопасности" в этот день.

12. По данным Правительства, 14 апреля 2007 года около 11:40 утра группы людей начали собираться у памятника на Пушкинской площади. Группа из двадцати человек, включающая первых восемь заявителей, начала шествие вниз по Тверской улице, выкрикивая антиправительственные лозунги. Общее число людей, принявших участие в этом несанкционированном шествии, - около пятидесяти. По данным Правительства, заявители были задержаны в то время, когда они пытались пройти с Тверской улицы на Красную площадь. Первоначально Правительство утверждало, что шествие вдоль Тверской улицы началось в 13.30, что отражено в рапортах милиции, однако позже оно сообщили, что заявители были арестованы в 13:00 и доставлены в отделение милиции в 13:30.

13. Заявители утверждали, что они не планировали шествие по Тверской улице, но случайно оказались там по разным причинам. Каспаров, Тарасов и Торопов заявили, что в полдень они мирно гуляли по Тверской улице в направлении санкционированного места проведения мероприятия у памятника Грибоедову. Заявители не уточнили количество людей, которые шли с ними вместе. Они сообщили, что путь им преградили представители ОМОНа, которые заблокировали несколько улиц в центре Москвы. Заявители также сообщили, что в тот момент все пешеходы, включая как протестующих, так и ни в чем невиновных прохожих, были оттеснены, окружены и все без исключения избиты сотрудниками милиции, затем задержаны, помещены в автозаки и доставлены в разные отделения внутренних дел.

14. Стельмах сообщил, что он вообще не собирался идти на митинг, а просто шел по Тверской улице с друзьями; когда он увидел, как бойцы ОМОНа разбивают толпу и задерживают людей, он зашел в кафе "Русское бистро", где его задержали около полудня.

15. Четыре других заявителя отрицают любую связь с шествием. Харламов сообщил, что не имел никакого намерения участвовать в публичном мероприятии; его задержали, когда он выходил из магазина около Пушкинской площади, где он забирал свой мобильный телефон, который был в ремонте. Калашников сообщил, что его задержали, когда он направлялся в расположенный неподалеку ресторан McDonald's чтобы встретиться там с другом. Орел также показал, что он шел в McDonald's, но не смог туда добраться, потому что улица была перекрыта спецподразделениями милиции; он также зашел в кафе "Русское бистро" на Тверской, где его и задержали. Мелихов также сообщил, что он направлялся в McDonald's, но не смог туда попасть и был задержан на Тверской улице.

16. Заявители утверждали, что в автозаке было как минимум тридцать других людей, все из которых были задержаны одновременно с ними.

17. Когда заявители прибыли в отделение внутренних дел, были составлены протоколы об их административном задержании в соответствии со статьей 27.4 Кодекса об административных правонарушениях. Заявители с первого по восьмой были обвинены в административном правонарушении в виде нарушения правил проведения общественных мероприятий. Процедура рассмотрения их дел описана ниже.

18. 17 апреля 2007 года первый заявитель получил из Федеральной службы безопасности повестку о вызове на допрос, который последовал за его выступлением 8 апреля 2007 года в программе на радиостанции “Эхо Москвы”, в которой он призвал слушателей принять участие в демонстрации 14 апреля 2007 года. Предполагалось, что это утверждение может быть классифицировано как уголовно наказуемая экстремистская деятельность. Информация о том, последовало ли что-либо после этого допроса, отсутствует.

2. Административное разбирательство в отношении первого заявителя

19. После задержания 14 апреля 2007 года первый заявитель был доставлен в отдел милиции и затем предстал перед мировым судьей судебного участка № 369 Тверского района города Москвы. Ему было предъявлено обвинение в нарушении установленного порядка проведения общественных мероприятий: правонарушение, предусмотренное ч. 2 статьи 20.2 Кодекса об административных правонарушениях.

20. Слушание административного дела было назначено на 17:30 того же дня. Заявитель подал два ходатайства об отложении слушания, чтобы иметь достаточное количество времени для подготовки защиты, но мировая судья, отметив незначительный объем материалов дела (пять страниц), решила провести слушание в тот же день, отложив его сначала на сорок пять минут и затем еще на двадцать минут.

21. В 18:30 в тот же день мировая судья изучила обвинения. На слушании первый заявитель был представлен адвокатом. Заявители утверждали, что представителей общественности не допустили в зал суда во время слушаний, так как здание суда было оцеплено полицией. Адвокат первого заявителя, г-жа Москаленко, подала ходатайство о допуске публики в зал судебного заседания. Мировая судья удовлетворила ходатайство, постановив, что слушание дела проводится публично.

22. В начале заседания заявитель подал ходатайство о вызове и допросе шести очевидцев, четверо из которых были задержаны одновременно с ним. Мировая судья ходатайство отклонила, определив, что преждевременно вызвать свидетелей до опроса заявителя и сотрудников милиции.

23. Мировая судья изучила милицейский протокол, согласно которому первый заявитель был задержан в 13:30, “идя в многочисленной группе людей, выкрикивавших антиправительственные лозунги”. Она также опросила г-на «И», сотрудника милиции, который задержал заявителя и составил протокол. Последний показал, что в связи с публичными мероприятиями, ожидавшимися между 12 и 16 часами 14 апреля 2007 года, он получил инструкции по обеспечению охраны общественного порядка на ул. Тверской 19, в частности, останавливать движение любых организованных групп людей в сторону Красной Площади. Он также показал, что г-н Каспаров шел в группе приблизительно из пятидесяти - шестидесяти человек и, следуя инструкции рассеивать несанкционированные демонстрации, он задержал его. Заявитель указал, что сотрудник милиции сообщил неверное место и время задержания и повторил просьбу допросить очевидцев, заявляя, что они ждут у суда и готовы дать показания. Мировая судья отклонила ходатайство на том основании, что указанные лица не были упомянуты в

милицейском протоколе, и что обстоятельства дела достаточно ясны, чтобы разрешить дело. Суд принял версию событий, выдвинутых милицией, постановив следующее:

“Оценивая показания [г-на И.], суд считает их заслуживающими доверия, потому что [г-н И.] был при исполнении служебных обязанностей, он не был знаком с заявителем и не имел никакой причины клеветать на него; он [был стороной] без личной заинтересованности”.

24. Мировая судья сослалась на решение московских властей от 5 апреля 2007 года и пришла к выводу, что 14 апреля 2007 года первый заявитель попытался принять участие в несанкционированном публичном мероприятии на Тверской улице, где он был задержан. Действия заявителя были признаны несоответствующими правилам проведения публичных мероприятий, он был признан виновным в административном правонарушении, предусмотренном статьей 20.2 Кодекса об административных правонарушениях. На него наложили штраф в размере 1000 российских рублей (приблизительно 25 евро (EUR)).

25. Заявитель обратился с жалобой в Тверской районный суд города Москвы. Он оспаривал факты, установленные судом первой инстанции, жаловался, что слушания не были публичными, и утверждал, что ему не дали возможность подготовить свою защиту или представить свою позицию по делу.

26. 14 мая 2007 года Тверской районный суд рассмотрел жалобу заявителя. Он оставил в силе решение суда первой инстанции, подтвердив, что заявитель принимал участие в несанкционированном публичном мероприятии, скандируя антиправительственные лозунги. Он также отметил, что не имеется никаких доказательств того, что слушания в первой инстанции не были публичными, и того, что заявителю не было предоставлено достаточное время для подготовки своей защиты, поскольку для этого ему предоставили более двух часов.

3. Административное разбирательство в отношении заявителей со второго по восьмой

27. Рассмотрение административного дела в первой инстанции в отношении каждого из этих заявителей было проведено мировым судьей участка № 369 Тверского района города Москвы. Как и первый заявитель, каждый из них был признан виновным в нарушении порядка проведения публичных мероприятий: административном правонарушении, предусмотренном статьей 20.2 Кодекса об административных правонарушениях, - и каждый должен был заплатить штраф в размере 1 000 рублей. В ходе судебного разбирательства все они оспаривали милицеские протоколы, в частности в отношении времени, и обстоятельства их задержания, и просили суд вызывать и допросить очевидцев. Мировой судья, однако, в каждом случае определил, что доказательств достаточно для установления обстоятельств дела, и отклонил ходатайства. Решения и их основания, приведенные судом, были, по существу, таким же, как в деле первого заявителя.

28. Дело пятого заявителя было рассмотрено в его отсутствие и в отсутствие его адвоката, поскольку суд отклонил его ходатайство об отложении слушаний установив, что рассмотрение возможно в отсутствие заявителя и его адвоката.

19. Решения суда первой инстанции были вынесены в следующие даты: по делам второго, третьего, четвертого и шестого заявителей - 16 апреля 2007 года; по делу пятого заявителя - 22 мая 2007 года; и по делам седьмого и восьмого - 25 апреля 2007 года.

30. Впоследствии заявители безуспешно обращались с жалобами в Тверской районный суд города Москвы. Основания решений апелляционного суда, по существу, были такими же, как в деле первого заявителя. Апелляционные решения по делам заявителей были

вынесены 14 мая 2007 года, за исключением решения по делу пятого заявителя, внесенного 11 июля 2007 года.

4. Жалобы, поданные девятой заявительницей

31. Девятая заявительница утверждала, что 14 апреля года она направлялась на митинг у памятника Грибоедову. На площади Сретенских ворот она и другие прохожие были атакованы спецподразделением милиции. Заявительница увидела, как сотрудник милиции бьет мужчину дубинкой и вмешалась, чтобы остановить избиение, но сотрудник милиции пнул ее по левой ноге. Она получила серьезные повреждения и не смогла пойти на митинг. Позднее в тот же день она обратилась за медицинской помощью в московскую городскую больницу № 137, где ей диагностировали гематому левой лодыжки.

32. 16 апреля 2007 года заявительница подала жалобу в прокуратуру Москвы, требуя возбудить уголовное дело против сотрудника милиции, который применил к ней силу.

33. 6 июля 2007 года Мещанская межрайонная прокуратура приняла решение не возбуждать уголовное дело по данному происшествию.

34. 18 марта 2011 года та же прокуратура отменила указанное решение и направила дело на дополнительное рассмотрение. Были даны указания опросить заявительницу и трех названных ею очевидцев, получить медицинские документы и провести медицинскую экспертизу. Информации об исходе этого разбирательства не имеется.

II. ПРИМЕНИМОЕ К ДЕЛУ НАЦИОНАЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

35. Относящиеся к делу положения Кодекса об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 года, в редакции, бывшей в силе во время рассматриваемых событий, таковы:

Статья 20.2 Нарушение установленного порядка организации либо проведения собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования

“1. Нарушение установленного порядка организации собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования - влечет наложение административного штрафа на организаторов в размере от десяти до двадцати минимальных размеров оплаты труда.

2. Нарушение установленного порядка проведения собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования влечет наложение административного штрафа на организаторов в размере от одной тысячи до двух тысяч рублей, на участников - от пятисот до одной тысячи рублей.”

Статья 27.2 Доставка

“1. Доставка, то есть принудительное препровождение физического лица в целях составления протокола об административном правонарушении при невозможности его составления на месте выявления административного правонарушения, если составление протокола является обязательным, осуществляется:

(1) должностными лицами органов внутренних дел (милиции) ...

...

2. Доставка должно быть осуществлено в возможно короткий срок.

3. О доставлении составляется протокол либо делается соответствующая запись в протоколе об административном правонарушении или в протоколе об административном задержании. Копия протокола о доставлении вручается доставленному лицу по его просьбе.”

Статья 27.3 Административное задержание

“1. Административное задержание, то есть кратковременное ограничение свободы физического лица, может быть применено в исключительных случаях, если это необходимо для обеспечения

правильного и своевременного рассмотрения дела об административном правонарушении, исполнения постановления по делу об административном правонарушении. ...

...

3. По просьбе задержанного лица о месте его нахождения в кратчайший срок уведомляются родственники, администрация по месту его работы или учебы, а также защитник.

...

5. Задержанному лицу разъясняются его права и обязанности, предусмотренные настоящим Кодексом, о чем делается соответствующая запись в протоколе об административном задержании.”

Статья 27.4 Протокол об административном задержании

“1. Об административном задержании составляется протокол ...

2. ... Копия протокола об административном задержании вручается задержанному лицу по его просьбе.”

Статья 27.5 Сроки административного задержания

“1. Срок административного задержания не должен превышать три часа, за исключением случаев, предусмотренных частями 2 и 3 настоящей статьи.

2. Лицо, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, посягающем на установленный режим Государственной границы Российской Федерации и порядок пребывания на территории Российской Федерации ... может быть подвергнуто административному задержанию на срок не более 48 часов.

3. Лицо, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, влекущем в качестве одной из мер административного наказания административный арест, может быть подвергнуто административному задержанию на срок не более 48 часов. ...”

ПРАВО

I. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 6 КОНВЕНЦИИ

Заявители с первого по восьмой жаловались на нарушение права на справедливое и публичное разбирательство об определении выдвинутых против них административных обвинений. Они ссылались на статью 6 § 1 Конвенции, которая гласит:

“1. Каждый в случае спора о его гражданских правах и обязанностях или при предъявлении ему любого уголовного обвинения имеет право на справедливое и публичное разбирательство дела в разумный срок независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона. Судебное решение объявляется публично, однако пресса и публика могут не допускаться на судебные заседания в течение всего процесса или его части по соображениям морали, общественного порядка или национальной безопасности в демократическом обществе, а также когда того требуют интересы несовершеннолетних или для защиты частной жизни сторон, или - в той мере, в какой это, по мнению суда, строго необходимо - при особых обстоятельствах, когда гласность нарушала бы интересы правосудия”.

A. Приемлемость

1. Применимость статьи 6

36. Правительство просило Суд признать эту жалобу неприемлемой, поскольку она в виду обстоятельств (*ratione materiae*) несовместима с положениями Конвенции. Оно

утверждало, что статья 6 неприменима к административным процедурам; дела заявителей не касались определения их гражданских прав и обязанностей или рассмотрения уголовного обвинения против них. Оно утверждало, что нарушение в смысле статьи 20.2 Кодекса об административных правонарушениях не карается административным арестом, факт, отличающий настоящее дело от процесса “Цилиберберг против Молдовы” (*Ziliberg v. Moldova*, № 61821/00, § 34, 1 февраля 2005 года). Правительство также отметило, что рассматриваемое административное правонарушение подпадает под юрисдикцию мирового судьи–судебного органа, уполномоченного выносить решения в случаях, касающихся уголовных преступлений, за совершение которых предусмотрено максимальное наказание в виде лишения свободы на срок до трех лет, а также в гражданских спорах и по административным делам.

37. Заявители, со своей стороны, утверждали, что уголовная часть статьи 6 применима к рассматриваемому разбирательству. Они ссылались на критерии, изложенные в деле “Энгель и другие против Нидерландов” (*Engel and Others v. the Netherlands*, 8 июня 1976 года, §§ 82-83, Серия А номер 22), и утверждали, что правонарушения, за которые они были осуждены, были, по существу, уголовными, несмотря на их классификацию в национальном законодательстве в качестве административных. Они также ссылались на дело Цилиберберг, упомянутое выше, утверждая, что в этом случае суд признал статью 6 применимой к слушаниям об административном правонарушении, похожем на то, о котором идет речь в данном случае. Они не разделяли точку зрения Правительства, заключающуюся в том, что настоящее дело было необходимо отличать от вышеупомянутого дела на основаниях, предложенных правительством, или на любых других основаниях.

38 Суд напоминает, что применимость статьи 6 должна оцениваться на основе трех критериев, изложенных в решении по делу Энгель (см. “Энгель и другие”, упомянутое выше, §§ 82 и 83). Для того чтобы определить, классифицируется ли правонарушение, как “уголовное” для целей Конвенции, в первую очередь необходимо установить, принадлежит ли положение, содержащее определение правонарушения, к уголовному праву в правовой системе государства-ответчика; далее, необходимо учитывать “саму природу нарушения” и степень суровости наказания за него (см., среди других источников, дела “Узтурк против Германии”/*Öztürk v. Germany*, 21 февраля 1984 года, § 50, Серия А, номер 73; “Демиколи против Мальты”/*Demicoli v. Malta*, 27 августа 1991 года, §§ 31-34, Серия А номер 210; и “Галстян против Армении”/*Galstyan v. Armenia*, № 26986/03, §§ 55-60, 15 ноября 2007 года).

39. Кроме того, хотя устоявшаяся практика Суда рассматривает второй и третий критерии, изложенные в деле Энгель, как альтернативные и не обязательно действующие в совокупности, это не исключает принятия совокупного подхода, когда анализ каждого критерия по отдельности не позволяет получить однозначного вывода о существовании уголовного обвинения (см. “Езех и Коннорс против Соединенного Королевства”/*Ezeh and Connors v. The United Kingdom* [GC], №№ 39665/98 и 40086/98, § 86, ECHR 2003-X).

40. В российском национальном законодательстве нарушение правил о проведении публичного мероприятия классифицируется как “административное правонарушение”. Ранее Суд рассмотрел сферу, определенную в некоторых правовых системах как “административная”, и обнаружил, что она включает в себя некоторые правонарушения, носящие уголовный характер, но слишком тривиальные для того, чтобы регулироваться нормами уголовного права и процесса (см. “Палаоро против Австрии”/*Palaoro v. Austria*, 23 октября 1995 года, §§ 33-35, Серия А номер 329-B). В таких случаях определение, предлагаемое национальным законодательством не является решающим для целей статьи 6, и сама природа рассматриваемого нарушения является фактором большего

значения (см. “Кэмпбелл и Фелл против Соединенного Королевства”/ *Campbell and Fell v. the United Kingdom*, 28 июня 1984 года, § 71, Серия А номер 80; “Вебер против Швейцарии”/ *Weber v. Switzerland*, 22 мая 1990 года, § 32, Серия А номер 177; и “Менешева против России”/ *Menesheva v. Russia*, № 59261/00, §§ 96-98, ECHR 2006-III).

41. Что касается характера совершенного заявителями правонарушения, статья 20.2 Кодекса об административных правонарушениях предусматривает наказание за участие в несанкционированном публичном мероприятии. Это положение касается правонарушений против общественного порядка и предназначено для регулирования порядка проведения публичных мероприятий. Соответственно, правовая норма, нарушенная заявителем, направлена на всех граждан, а не на отдельную группу, обладающую особым статусом. Таким образом, Суд приходит к выводу, что правонарушение носит общий характер.

42. Кроме того, Суд отмечает, что заявители были приговорены к штрафу, что правительство считает тривиальным наказанием. Суд обращает внимание, что заявители в данном случае были оштрафованы на сумму, эквивалентную 25 евро, что является максимальным наказанием в соответствии с примененной нормой. Что еще более важно, штрафы, взимаемые в таких случаях, не носят характер материальной компенсации причиненного ущерба, но были по своему характеру средством наказания и сдерживания, что также характерно для уголовного наказания (см. дело Узтурк, упомянутое выше, § 53).

43. Далее, Суд отмечает, что заявители были задержаны и провели в отделении милиции около двух часов. В принципе, когда дело доходит до определения того, что представляет собой “уголовную” сферу, особое значение придается любой форме лишения свободы (см. дело Цилиберберг, упомянутое выше, § 34). В этом случае, кроме того, Суд отмечает, что заявители были подвергнуты административному задержанию в соответствии со статьей 27.3 Кодекса об административных правонарушениях, мера, которая имеет более сильные уголовные коннотации, чем доставление человека в полицейский участок, предусмотренное статьей 27.2 Кодекса.

44. Эти соображения являются достаточными для того, чтобы Суд мог установить, что правонарушение, по которому заявители с первого по восьмого были осуждены, может быть классифицировано как “уголовное” для целей Конвенции. Отсюда следует, что статья 6 применима.

2. Выводы о приемлемости

45. Суд отмечает, что эта жалоба не является явно необоснованной в значении статьи 35 § 3 (а) Конвенции. Кроме того, он отмечает, что она не является неприемлемой по каким-либо другим основаниям. Поэтому она должна быть признана приемлемой.

В. Существо дела

1. Доводы сторон

46. Хотя, не считая административные дела относящимися к сфере применения статьи 6, Правительство утверждало, что заявителям были предоставлены все гарантии справедливого судебного разбирательства. В частности, принцип равноправия сторон был обеспечен тем, что мировой судья рассмотрел доводы обеих сторон, приняв во внимание изложения событий как заявителей, так и полиции. Правительство также утверждало, что рассмотрение дела у мирового судьи велось публично, как того требует статья 24.3 Кодекса об административных правонарушениях; в деле первого заявителя мировой

судья подтвердил это отдельным решением, удовлетворив ходатайство о том, чтобы слушания дела были открыты для публики. Решение прямо указывало, что слушания были публичными. Правительство оспорило утверждения первого заявителя, что представители общественности были остановлены милицией перед зданием суда, утверждая, что это происходило в то время, когда разбирательство дела в суде еще не началось, так как в 18-00 первый заявитель и его юристы еще готовились к слушаниям. Кроме того, была удовлетворена просьба заявителя дать ему дополнительные 45 минут для подготовки к слушаниям.

47. Правительство далее заявило, что заявители были признаны виновными на основании достаточных доказательств, включая милицейские протоколы и свидетельские показания сотрудников милиции, а так же документов относительно заявления на проведение публичного мероприятия 14 апреля 2007 года, предоставленных Правительством Москвы. Что касается отказа выслушать свидетелей по вызову заявителей, суд пришел к выводу об отсутствии необходимости их допроса, так как в материалах дела доказательства дела были достаточны для установления обстоятельств дела. Правительство сочло это решение обоснованным.

48. В заключение, Правительство указало, что жалобы заявителей на решение суда первой инстанции были рассмотрены Тверским районным судом. Таким образом, заявители воспользовались правом рассмотрения их дел при соблюдении всех гарантий в судах двух инстанций.

49. Заявители, со своей стороны, доказывали, что во время судебного рассмотрения дел об административных правонарушениях не были соблюдены гарантии права на справедливое судебное разбирательство, заявляя, что не был соблюден принцип равенства сторон так как свидетели защиты не были выслушаны, и что публика была не допущена на судебный процесс первого заявителя.

50. Касательно дела первого заявителя, так же утверждалось, что защите не было дано достаточно времени на подготовку, так как судья отказался отложить заседание, дав на подготовку заявителю и его адвокату только 20 минут. Первый заявитель также жаловался, что выдвигаемые против него обвинения не были точно определены до начала судебных слушаний: имелись только общие ссылки на статью 20.2 Кодекса без каких-либо указаний в каком именно правонарушении из четырех, перечисленных в данной статье, он обвиняется. Далее, он пожаловался на то, что ни один из свидетелей не был вызван и опрошен, кроме сотрудника милиции, который задержал первого заявителя. Просьбы заявителя вызвать других свидетелей были отклонены на том основании, что в этом не было необходимости. Первый заявитель оспорил утверждение Правительства, что судебные слушания были публичными. В частности, он указал, что даже двум его адвокатам было отказано в праве доступа в здание суда, хотя у них имелись документы о том, что они являются представителями первого заявителя. Что касается ходатайства о том, чтобы пустить в суд хотя бы членов семьи, суд действительно принял упомянутое Правительством решение об открытии слушаний для публики, но полиция тем не менее продолжала держать здание суда в оцеплении.

51. Второй заявитель указал, что до заседания суда ему не была выдана копия милицейского протокола оменяемых ему административных правонарушениях. Он так же пожаловался на то, что судья отказался вызвать и допросить свидетелей, в частности - первого и четвертого заявителей и сотрудника милиции, который составил протокол по этому делу, на том основании, что в деле уже имеется достаточно доказательств.

52. Третий и четвертый заявители жаловались, что они были несправедливо признаны виновными в административном правонарушении из-за ошибки милиции. Ни один из них не намеревался принимать участия в публичном мероприятии, а случайно проходил

мимо: третий заявитель был задержан после того, как забрал телефон из ремонтной мастерской, а четвертый заявитель направлялся на личную встречу. Третий заявитель представил в суд чеки из ремонтной мастерской, но они были отклонены как не относящиеся к делу. Кроме того, в обоих случаях суд отказал вызвать и допросить свидетелей и сотрудников милиции, которые составили протокол. Оба заявителя были признаны виновными в административном правонарушении на основании только лишь милицейского протокола и были лишены какой бы то ни было возможности доказать свою невиновность.

53. Пятый заявитель жаловался, что рассмотрение его дела было проведено в его отсутствие, потому что суд отклонил его просьбу отложить заседание по медицинским показаниям, установив, что его присутствие необязательно. Таким образом, ему не был дан шанс изложить свою версию дела в решающий момент установления фактов в суде первой инстанции.

54. Шестой, седьмой и восьмой заявители пожаловались, что суд не проверил их версию произошедшего и не принял во внимание тот факт, что они оспорили время и обстоятельства их задержания.

2. Оценка суда

55. Суд обращает внимание, на то, что все заявители пожаловались на нарушение статьи 6 § 1 по причине в целом несправедливого характера, с которым национальные суды устанавливали факты, лежащие в основе выдвинутых против них обвинений. В частности, они заявили, что суды не дали им шанса представить свою позицию, отклоняя все доказательства и свидетелей, способных подтвердить версию заявителей. В случае пятого заявителя, суд, кроме того, не выслушал показания самого заявителя, так как было решено рассматривать дело в его отсутствие.

56. Суд напоминает, что допустимость доказательств регулируется, главным образом, правовыми нормами национального права. По общему правилу, выводы об относимости и оценка доказательств, которые представляют подсудимые, находится в компетенции национальных судов (см., в числе других источников, "Барбера, Мессиго и Хабардо против Испании"/*Barberà, Messegué and Jabardo v. Spain*, 6 декабря 1988 года, § 68, Серия А номер 146). А именно, статья 6 § 3 (d), как правило, оставляет на их усмотрение решение вопроса о том, надлежит ли вызвать свидетелей, в "автономном" смысле этого слова в системе Конвенции (см. "Аш против Австрии"/*Asch v. Austria*, 26 апреля 1991 года, § 25, серия А номер 203).

57. Однако, задачей Суда остается определить, было ли судебное разбирательство в целом справедливыми, как того требует статья 6 § 1 (см. "Дельта против Франции"/*Delta v. France*, 19 декабря 1990 года, § 35, серия А номер 191, и "Видал против Бельгии"/*Vidal v. Belgium*, 22 апреля 1992 года, § 33, Серия А номер 235-В). В контексте принятия доказательств, Суд обратил особое внимание на соблюдение принципа равенства сторон. Было признано, в частности, что оно является одним из основных аспектов справедливого судебного разбирательства. Это подразумевает, что заявителю должно быть "предоставлено соответствующая возможность изложить доводы при условиях, которые не ставят его в невыгодное положение по сравнению с его оппонентом" (см. Булут против Австрии"/*Bulut v. Austria*, 22 февраля 1996 года, § 47, Отчет о постановлениях и решениях 1996-II). Таким образом, хотя обычно необходимость или желательность вызова свидетеля находится в компетенции национальных судов, могут быть особые обстоятельства, которые могут побудить Суд решить, что неисполнение данного действия противоречило Статье 6 (см. "Брикмонт против Бельгии"/*Bricmont v. Belgium*, 7 июля 1989 года, § 89, Серия

А номер 158, и “Дестрехем против Франции”/Destrehem v. France, № 56651/00, § 41, 18 мая 2004 года).

58. Чтобы определить, была ли заявителям предоставлена возможность изложить свои доводы в условиях, которые не поставили их в невыгодное положение по сравнению со стороной обвинения, и было ли судебное разбирательство справедливым, Суд сначала рассмотрит что явилось основанием для вынесения решения о виновности заявителей (см. Дельстрем, цитированный выше, § 43).

59. Обращаясь к делу первого заявителя, Суд обращает внимание, что господин Каспаров предстал перед мировым судьей после задержания на улице Тверская, предположительно во время участия в несанкционированном шествии. Далее, Суд отмечает, что обстоятельства задержания, такие как цель нахождения там заявителя, время шествия и даже время и точное место задержания были оспорены сторонами.

60. Неясность этих вопросов остается и на сегодняшний день. В процессе разбирательства дела в настоящем Суде, Правительство-ответчик, заявило, что шествие по улице Тверская началось в 13:30, но в другой части поданных Правительством замечаний было заявлено, что толпа начала собираться на шествие в 11:40, и что заявители были арестованы в 13:00 и были доставлены в полицейский участок в 13:30. Этот период времени согласуется с версией заявителей, а не с тем, что сообщила милиция.

61. В процессе разбирательства дела перед мировым судьей, господин Каспаров утверждал, что он шел с небольшой группой людей по направлению к памятнику Грибоедова, месту митинга, который был надлежащим образом согласован с московским правительством. Милиция, с другой стороны, заявила, что господин Каспаров не просто шел, а принимал участие в несогласованном шествии, и настаивала на том, что он делал это тогда, когда мероприятие у памятника Грибоедову уже было окончено. Другое разногласие между сторонами относится к месту задержания. Согласно указанию милиции, заявители, включая первого заявителя, были задержаны тогда, когда публичное мероприятие грозило выплеснуться на Красную площадь, являющуюся зоной специального режима. Первый заявитель, при этом, утверждает, что он был задержан на улице Тверская, когда он и его спутники дошли до ограждения, установленного спецподразделениями милиции на значительном расстоянии от Красной площади.

62. Суд ранее постановил, что в обстоятельствах, когда решение о виновности заявителя основано преимущественно на предположениях о том, что он был в определенном месте в определенное время, принцип равенства сторон и, в целом, право на справедливое судебное разбирательство, подразумевает, что заявителю должна быть предоставлена надлежащая возможность оспорить указанные предположения по существу (см. “Попов против России”/Popov v. Russia, № 26853/04, § 183, 13 июля 2006 года, и “Поляков против России”/Polyakov v. Russia, № 77018/01, §§ 34-37, 29 января 2009 года).

63. Однако в деле первого заявителя суд отклонил попытки заявителя прояснить обстоятельства времени и места его задержания, хотя эти факты являлись ключевыми для решения вопроса о виновности. Мировому суду были представлены два противоречащих заявления, и мировой судья вынес свое судебное решение, основываясь исключительно на версии, выдвинутой милицией, потому что полиция была “незаинтересованной стороной”. Однако, принимая во внимание значение оспоренных фактов для исхода дела и роль сотрудника милиции, который задержал заявителя и составил протокол, Суд полагает, что мировому суду было необходимо исчерпать все надлежащие возможности для выявления, где именно и когда именно был задержан первый заявитель.

64. Суд обращает внимание, что вызов тех свидетелей, которые могли бы пролить свет на эти обстоятельства, было бы делом, не вызывающим затруднений. Их имена и адреса были известны; четверо из них были задержаны в то же самое время, что и заявитель, и, по утверждениям адвоката заявителя, они ожидали за дверьми суда, чтобы дать показания. Как бы то ни было, мировая судья не сослалась ни на какие технические препятствия к установлению места нахождения этих людей. Они просто сочли это ненужным для рассмотрения дела.

65. Суд не может не заключить, что мировая судья ясно и недвусмысленно приняла аргументы милиции и отказала первому заявителю в возможности привести какие-либо доказательства обратного. Суд признает, что обвинения, предъявленные заявителю были обычными и что судебное разбирательство касательно таких вопросов должно проводиться быстро. Однако, принимая во внимание тот факт, что решение о виновности заявителя было основано на противоречащих доказательствах, Суд приходит к заключению, что безоговорочная поддержка национальным судом выводов милицейского протокола и отказ от допроса свидетелей защиты без учета относимости их показаний привело к ограничению прав защиты, противоречащих гарантиям справедливого судебного разбирательства (см. Попов, цитировано выше, § 188). Соответственно, имеет место нарушение принципов, закрепленных в Статье 6 Конвенции.

66. Суд далее обращает внимание на то, что судебные разбирательства других заявителей были проведены фактически идентичным образом, то есть, заявители были лишены возможности приобщить к делу доказательства в подтверждение их версии произошедшего. В деле пятого заявителя это обстоятельство было еще более усугублено тем фактом, что суд не счел его присутствие, или присутствие его адвоката, необходимым условием для рассмотрения дела в суде.

67. Принимая во внимание все вышеизложенное и отдельные обстоятельства данного дела, Суд полагает излишним проверять жалобу первого заявителя о том, что слушания не были публичными, и то, что у него не было достаточно времени, чтобы подготовить защиту, или жалобу второго заявителя, что у него не было доступа к полицейскому протоколу до начала судебных слушаний.

68. В виду всего вышеизложенного, Суд заключает, что в отношении первых восьми заявителей имело место нарушение статьи 6 § 1 Конвенции.

II. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЕЙ 10 И 11 КОНВЕНЦИИ

69. Заявители жалуются, что поведение властей 14 апреля 2007 года препятствовало осуществлению их права на свободу слова и право на свободу мирных собраний, гарантированное статьями 10 и 11 Конвенции, соответственно. В этих положениях сказано следующее:

Статья 10 (свобода слова)

“1. Каждый человек имеет право на свободу слова. Это право включает свободу придерживаться своего мнения и свободу получать и распространять информацию и идеи без какого-либо вмешательства со стороны властей и независимо от государственных границ. Настоящая статья не препятствует государствам осуществлять лицензирование радиовещательных, телевизионных или кинематографических предприятий.

2. Так как осуществление этих свобод влечёт за собой обязанности и ответственность, оно может быть сопряжено с определенными формальностями, условиями, ограничениями или санкциями, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах национальной безопасности, территориальной целостности или общественного порядка, в целях предотвращения беспорядков или преступлений, для охраны здоровья и нравственности, защиты

репутации или прав других лиц, предотвращения разглашения информации, полученной конфиденциально, или для поддержания авторитета и беспристрастности правосудия.”

Статья 11 (свобода собраний и объединений)

“1. Каждый человек имеет право на свободу мирных собраний и на свободу объединения с другими, включая право создавать и вступать в профессиональные союзы для защиты своих интересов.

2. Никакие ограничения не могут быть наложены на осуществление этих прав, кроме тех, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах национальной безопасности или общественного спокойствия, в целях предотвращения беспорядков или преступлений, для охраны здоровья или нравственности или для защиты прав и свобод других лиц. Настоящая статья не препятствует введению законных ограничений на осуществление этих прав лицами, входящими в состав вооруженных сил, полиции или административных органов государства.”

А. Приемлемость

1. Первый, второй и пятый заявители

70. Суд отмечает, что со стороны г-на Каспарова, г-на Тарасова и г-на Торопова эта жалоба не является явно необоснованной в значении § 3(а) статьи 35 Конвенции. Кроме того, он отмечает, что она не является неприемлемой к рассмотрению по каким-либо другим основаниям. Поэтому она должна быть признана приемлемой.

2. Третий, четвертый, шестой, седьмой и восьмой заявители

71. Суд отмечает, что при подаче жалоб по статьям 10 и 11, эти заявители отрицали, что они имели какое-либо намерение принять участие в публичном мероприятии 14 апреля 2007 года на Тверской улице, у памятника Грибоедова или в другом месте. Все они утверждали и в национальных судах, и в своих жалобах в данный Суд, что были задержаны по ошибке, просто потому, что случайно или по стечению обстоятельств оказались в центре действий по разгону шествия на Тверской улице. Поэтому их жалобы не содержат прямого указания на ограничение их свободы слова или свободы собраний.

72. Следовательно, данная часть заявления г-на Харламова, г-н Калашников, г-на Стельмаха, г-на Орла и г-на Мелихова является явно необоснованной и должна быть отклонена в соответствии с §§ 3(а) и 4 статьи 35 Конвенции.

3. Девятая заявительница

73. Суд в первую очередь отмечает, что в составе ее жалоб на жестокое обращение эта заявительница ни прямо, ни косвенно не выдвигает обвинения в нарушении статьи 3 Конвенции. Ссылаясь на статьи 10 и 11 Конвенции, она утверждает, что травма, якобы нанесенная ей со стороны милиции, не позволила ей принять участие в официально разрешенном общественном митинге у памятника Грибоедову. Суд далее отмечает, что она пыталась инициировать уголовное дело против сотрудника милиции, который, как она утверждает, ударил ее по лодыжке, однако, кроме копии своей жалобы, она не предоставила Суду ни дополнительных материалов в поддержку ее версии событий, ни даже свидетельских показаний кого-либо, кто находился бы с ней в тот момент. Следует отметить, что предполагаемое нападение на девятую заявительницу было отдельным происшествием, не связанным с задержанием других заявителей, и произошло в другом месте. Поэтому нельзя сказать, что ее обвинения подтверждаются описанием событий, данным другими заявителями. На основании имеющихся документов Суд не имеет даже возможности установить, что милиция в самом деле разогнала официально разрешенный митинг у памятника Грибоедову. Кроме того, заявительница не пыталась обжаловать

именно нарушение права на мирные собрания, а значит не удовлетворила требованию об исчерпании приемлемых для целей статьи 11 Конвенции внутренних средств правовой защиты, или о подтверждении своих обвинений.

74. Следовательно, данная часть жалобы является явно необоснованной и должна быть отклонена в соответствии с §§ 3(a) и 4 статьи 35 Конвенции.

В. Существо дела

1. Доводы сторон

75. Что касается существа дела, г-н Каспаров, г-н Тарасов и г-н Торопов просят, чтобы оно рассматривалось по статье 10 Конвенции отдельно от рассмотрения по статье 11. Они утверждают, что одной из причин их задержания было то, что идя по Тверской улице они скандировали "Путин, уходи!", и что на этом основании их дело должно быть выделено из других дел, касающихся ограничений права на мирное собрание, по которым Суд постановил, что жалоба по статье 10 включена в жалобу по статье 11.

76. Заявители также настаивают, что имело место вмешательство в их свободу мирных собраний и свободу слова. Они утверждают, что их арест 14 апреля 2007 года не позволил им прийти на митинг к памятнику Грибоедову, то есть на мероприятие согласованное с московскими властями. Кроме того, административное взыскание, наложенное на них после задержания, также представляет собой несоразмерное вмешательство в их права, предусмотренные Конвенцией.

77. Что касается законности этого вмешательства, заявители оспаривают основания для их ареста, приведенные властями, в частности, утверждение, что они пытались проникнуть на Красную площадь, которая была объявлена зоной безопасности. Они ссылаются на их первоначальное уведомление о шествии и отмечают, что предложенный там маршрут пролегал по Тверской улице, заворачивая к Театральной площади, в сторону от Красной площади. Таким образом, они показывают, что, даже если бы у полиции сложилось впечатление, что демонстранты проходили по Тверской улице в сторону Красной площади, они никак не могли бы предположить, что они собирались проникнуть в зону безопасности.

78. Правительство указывает, что ни организаторы мероприятия, ни любые другие заинтересованные стороны не оспорили решения московских властей от 5 апреля 2007 года в отношении предлагаемого мероприятия. Вместо этого они приняли решение провести шествие без разрешения властей. Правительство отрицает, в частности, утверждение о том, что заявители просто шли к месту проведения разрешенного митинга у памятника Грибоедову. Оно также не соглашается с заявителями о времени задержания, в частности, произошло ли оно до или после разрешенного митинга. Правительство сначала настаивало, что заявители были арестованы в 13:30, когда митинг уже закончился, за исключением г-на Мелихова (восьмой заявитель), который был арестован в 12:05 на Тверской улице, и г-на Харламова (третий заявитель), который был арестован в 13:00 на Пушкинской площади. Впоследствии оно указало, что все заявители были арестованы в 13:00 и были доставлены в полицейский участок в 13:30. Оно оспаривает доводы заявителей по этому вопросу, как противоречивые, отметив, что г-н Каспаров указал 12:00, как время своего задержания, в то время как г-н Тарасов первоначально заявил 13:00 и только позже изменил его на 12:00.

79. Кроме того, Правительство оспаривает обвинение, что случайные прохожие были задержаны или схвачены милицией. В частности, не поступило никаких жалоб от предполагаемых случайных жертв неизбирательных действий милиции. Что касается

заявителей, то все они сознательно и преднамеренно приняли участие в несанкционированном шествии.

80. Правительство признает, что задержание заявителей и признание их виновными в совершении административного правонарушения является ограничением их права на свободу собраний. Тем не менее, оно отстаивает мнение, что эти меры были законными, преследовали легитимную цель поддержания общественного порядка и были соразмерны этой цели согласно статье 11 § 2 Конвенции. Оно утверждает, в частности, что заявителям был предложен другой маршрут для проведения общественного мероприятия в указанную дату, и что организаторы мероприятия, как казалось, согласились на предлагаемые изменения. Кроме того, разрешенный митинг действительно произошел у памятника Грибоедову, и заявители могли бы участвовать в нем. Вместо этого заявители устремились по маршруту, указанному в исходном запросе, идя по тротуару и по проезжей части, препятствуя пешеходам и дорожному движению и в дальнейшем предприняв попытку проникнуть на Красную площадь. Так как этот маршрут не был согласован с московскими властями, милиция не смогла бы предвидеть, что шествие состоится в этом месте и в это время, и поэтому не сумела бы принять меры для поддержания общественного порядка и безопасности. Именно поэтому заявителей, игнорирующих предупреждения милиции, пришлось арестовать. Это также оправдывает наложение на них административного взыскания, которое, к тому же, было относительно мягким.

2. Оценка Суда

(а) Существо жалобы заявителя

81. Суд отмечает, что, с учетом обстоятельств дела, статья 10 должна рассматриваться как общий закон (*lex generalis*) по отношению к статье 11, которая является специальным законом (*lex specialis*) (см. “Езелин против Франции” /*Ezelin v. France*, 26 апреля 1991 года, § 35, Серия А номер 202). Суд принимает во внимание просьбу заявителей рассматривать их как два отдельных вопроса, исходя из конкретных обстоятельств дела. Он отмечает, что административные обвинения, предъявленные в этом случае, опираются, в частности, на тот факт, что заявители скандировали антиправительственные лозунги во время несанкционированной демонстрации. Эта жалоба, попадая в принципе под действие статьи 10, аналогична тем, которые рассматривались в деле Галстян (упомянутое выше, §§ 95-96 и § 100), где заявитель был арестован и осужден из-за его поведения во время политической демонстрации, и в деле «Сергей Кузнецов против России» (*Sergey Kuznetsov v. Russia*, № 10877/04, § 23, 23 октября 2008 года), где заявитель был обвинен в совершении административного правонарушения за распространение оскорбительных листовок во время пикета. В этих и в других случаях Суд не считал необходимым рассматривать жалобу по статье 10 отдельно от жалобы по статье 11 Конвенции. Нет причин изменять этому принципу и в данном деле.

82. С другой стороны, несмотря на свою самостоятельную роль и особую сферу применения, статья 11 должна, в данном случае, также рассматриваться в свете статьи 10. Защита личных мнений, гарантированная статьей 10 Конвенции, является одним из аспектов свободы мирных собраний, закрепленных в статье 11 (см. Езелин, упомянутое выше, § 37).

(б) Имело ли место вмешательство в осуществление свободы мирных собраний и было ли вмешательство обоснованным

83. Суд напоминает, что вмешательство не обязательно должно выражаться в виде прямого запрета, правового или фактического, но может состоять из различных других мер, принимаемых властями. Термин "ограничения" в статье 11 § 2 следует интерпретировать как меры, принимаемые как до или во время собрания, так и, например, карательные меры, применяемые впоследствии (см. *Езелин*, упомянутое выше, § 39). Например, предшествующий запрет может иметь сдерживающее воздействие на лиц, которые намерены принять участие в митинге, и таким образом представляет собой вмешательство, даже если митинг впоследствии проходит без помех со стороны властей (см. "Базковский и другие против Польши"/*Bączkowski and Others v. Poland*, № 1543/06, § 66-68, 3 мая 2007 года). Отказ в разрешении человеку совершить поездку с целью присутствовать на митинге также представляет собой вмешательство (см. "Джавит Ан против Турции"/*Djavit An v. Turkey*, № 20652/92, §§ 59-62, ECHR 2003-III). То же относится к мерам, принимаемым властями во время митинга, таким как разгон митинга или арест участников (см. "Ойя Атаман против Турции"/*Oya Ataman v. Turkey*, № 74552/01, §§ 7 и 30, ECHR 2006-XIII и "Гайд Парк и другие против Молдовы"/*Hyde Park and Others v. Moldova*, № 33482/06, §§ 9, 13, 16, 41, 44 и 48, 31 марта 2009 года), и штрафы, наложенные за участие в митинге (см. *Езелин*, упомянутое выше, § 41; "Османи и другие против бывшей Югославской Республики Македония"/*Osmani and Others v. "the former Yugoslav Republic of Macedonia"* (dec.), № 50841/99, ECHR 2001-X; "Мкртчян против Армении"/*Mkrtchyan v. Armenia*, № 6562/03, § 37, 11 января 2007 года; Галстян, цит. выше, §§ 100 02 ; "Ашугьян против Армении"/*Ashughyan v. Armenia*, № 33268/03, §§ 75-77, 17 июля 2008 года и Сергей Кузнецов, упомянутое выше, § 36).

84. Суд считает в этой связи, что независимо от того, направлялись ли г-н Каспаров, г-н Тарасов и г-н Торопов к месту разрешенного общественного собрания, как они утверждают, или были уже в процессе проведения несанкционированного митинга, так как утверждает Правительство, их задержание представляет собой вмешательство в их право на мирные собрания; то же относится и к последующим административным обвинениям, выдвинутым против них. Суд отмечает, кроме того, что Правительство не оспаривает наличия вмешательства в право на свободу мирных собраний в данном случае.

85. Суд напоминает, что право на свободу собраний является фундаментальным правом в демократическом обществе и является одной из основ такого общества (см. среди многочисленных решений, Galstyan, упомянутое выше, § 114). Это право, одной и целью которого является защита личного мнения, подлежит ряду исключений, которые должны трактоваться в узком смысле, а необходимость любого ограничения должна быть убедительно доказана. При изучении вопроса, можно ли считать ограничения прав и свобод, гарантированных Конвенцией, "необходимыми в демократическом обществе", Государства—участники Конвенции пользуются определенной, но не неограниченной свободой усмотрения. Вмешательство будет считаться "необходимым в демократическом обществе" для законной цели, если оно отвечает "насущной общественной потребности" и, в частности, если оно соразмерно преследуемой правомерной цели и если причины, приведенные национальными властями в его оправдание, являются "существенными и достаточными" (см., например, "Костер против Соединенного королевства"/*Coster v. the United Kingdom* [GC], №24876/94, § 104, 18 января 2001 года и "С. И Марпер против Соединенного королевства"/*S. And Marper v. the United Kingdom* [GC], №№30562/04и30566/04, § 101, ECHR 2008). В любом случае, прерогатива этого Суда состоит в том, чтобы вынести окончательное решение о совместимости ограничений с

Конвенцией, и это должно быть сделано на основе оценки обстоятельств конкретного дела (см. Османи и другие, упомянутое выше).

86. В свете этих принципов Суд рассмотрит, было ли вмешательство в права заявителей на свободу мирных собраний законным, преследовало ли законную цель и являлось ли необходимым в демократическом обществе.

87. Что касается законности задержания заявителей и последующих административных обвинений, выдвинутых против них, различные мнения сторон по этому вопросу коренятся в их противоречащих друг другу отчетах о фактических обстоятельствах дела. Три заявителя утверждают, что они шли на разрешенное общественное мероприятие у памятника Грибоедову, и поэтому не было никаких оснований для их задержания, в то время как Правительство утверждает, что они должны были быть задержаны, потому что они проводили шествие в нарушение правил и потому, что они угрожали прорвать периметр безопасности Красной площади. Суд уже установил, что национальные суды не предприняли никаких попыток, чтобы установить точные обстоятельства задержания заявителей, такие как время и место, чтобы проверить, существовала ли необходимость остановить их (см. §§ 60-62 и 66 выше). При отсутствии достаточного фактического материала, чтобы разрешить эту полемику, Суд не может принять версию какой-либо стороны в качестве основы для принятия решения о том, действовали ли власти законно. В любом случае, он считает, что в данном деле вопрос о законности неразрывно связан с вопросом, было ли вмешательство "необходимым в демократическом обществе". Вследствие этого, Суд рассмотрит этот вопрос ниже (см. "Христианская демократическая народная партия против Молдовы" / *Christian Democratic People's Party v. Moldova*, № 28793/02, § 53, ECHR 2006-II).

88. Обращаясь к вопросу о существовании законной цели, Суд согласится, что задержание заявителей и признание их виновными в совершении административного правонарушения преследовало законную цель поддержания общественного порядка, как утверждает Правительство.

89. Чтобы оценить, является ли вмешательство "необходимым в демократическом обществе" Суд рассмотрит пропорциональность вмешательства в свете аргументов, приведенных национальными судами. Он отмечает, что, в соответствии с судебными решениями, заявители "шли в большой группе людей, выкрикивающих антиправительственные лозунги", что это представляет собой публичное мероприятие которое не было разрешено московскими властями, и что заявители поэтому нарушили статью 20.2 Кодекса об административных правонарушениях. Следовательно, с точки зрения национальных судов, отсутствие разрешения на устроение публичной демонстрации и послужило в основании для обвинения их в административных правонарушениях.

90. Суд повторяет, что хотя требование властей о санкционировании митингов и не вступает априори в противоречие с духом статьи 11, исходя из необходимости поддержания общественного порядка и национальной безопасности, незаконные акции, такие как проведение демонстрации без предварительного получения санкции, не могут быть оправдывать ограничения свободы собраний (см. "Киссе против Франции" / *Cisse v. France*, № 51346/99, § 50, ECHR 2002-III, и *Ойя Атаман*, цитировавшееся выше, §§ 37 и 39). Несмотря на то, что соблюдение правил, регулирующих публичные мероприятия, таких как система предварительных извещений, имеет важное значение для спокойного проведения общественных мероприятий, поскольку они позволяют властям минимизировать нарушения уличного движения и принять другие меры безопасности, несоблюдение этих правил не может быть основанием для их запрещения. В частности, в тех случаях, когда неорганизованные демонстранты не совершают каких-либо актов

насилия, Суд требует, чтобы власти сохраняли определенный уровень толерантности к мирным собраниям, поскольку свобода собраний, гарантируемая статьей 11 Конвенции, является неотъемлемым правом (там же, § 42; см. также “Букта против Венгрии”/*Bukta and Others v. Hungary*, №25691/04, § 34, ECHR 2007-III; “Фабер против Венгрии”/*Fáber v. Hungary*, №40721/08, § 49, 24 июля 2012 года, и “Берладир и другие против России”/*Berladir and Others v. Russia*, № 34202/06, § 38, 10 июля 2012 года)

91. Возвращаясь к утверждению Правительства, что заявители были задержаны в связи с угрозой безопасности, которую демонстрация представляла бы на Красной Площади, следует отметить, что эти аргументы были также сообщены сотрудником милиции, выступавшим в качестве свидетеля. Однако, в рапортах милиции никакие из соответствующих рисков не упомянуты и, в любом случае, они не являются частью оснований, изложенных мировым судьей или Тверским районным судом. Более того, Суд отмечает, что место задержания, представленное в основаниях, ул. Тверская д. 19, находится в 1.4 км от ближайшей точки Красной площади. Учитывая небольшое количество участников группы (по оценкам милиции группа составляла от 50 до 60 человек) и вне всяких сомнений мирный характер манифестации, Суд не видит оснований считать, что марширующие представляли какую-либо угрозу для безопасности данного района.

92. Заявление властей, что милиция прибегла к задержанию протестующих, поскольку последние предприняли непредвиденную и несанкционированную демонстрацию, которую было невозможно прекратить иным способом, не соответствуют фактам, установленным национальными судами. В частности, сотрудник милиции показал, что у властей была информация о том, что в том месте и в то время, когда заявители были задержаны, будет проходить акция, и что заранее были предприняты меры по выставлению кордона в том месте, где планировалось шествие (см. § 23 выше). Сотрудники милиции, привлеченные к операции, спланированной в связи с этим мероприятием, получили четкие инструкции. Более того, документы, представленные властями, указывают, что в связи с ожидавшейся в тот день демонстрацией подразделения ОМОНа из двадцати девяти регионов России направили подкрепление (см. §11 выше). Эти подготовительные меры, несомненно, указывают на способность милиции предотвратить проникновение марша подобного масштаба в зоны с повышенным уровнем безопасности.

93. Другие доводы, выдвинутые властями, такие как, препятствование пешеходам и уличному движению со стороны протестовавших в процессе их движения по тротуару, не упомянуты в рапортах сотрудников милиции или решениях национальных судов. Данное обстоятельство дает основание полагать, что эти доводы не оказали влияние на решения, вынесенные по делу заявителей. Более того, учитывая большое количество сотрудников милиции в месте проведения мероприятия, были все возможности для поддержания общественного порядка и безопасности без использования такой меры как задержание.

94. Из этого следует, что заявители были задержаны и обвинены в административных правонарушениях на одном единственном основании, что их демонстрация не была санкционирована. Суд, таким образом, приходит к заключению, что власти не продемонстрировали наличие «насущной общественной потребности» для задержания заявителей.

95. Исходя из вышесказанного, Суд постановляет, что в данном случае силовое вмешательство милиции не соответствовало масштабу акции и не являлось необходимым для предотвращения каких-либо нарушений, подразумеваемых вторым параграфом статьи 11 Конвенции. В этих обстоятельствах, тот факт, что заявители в последующем

были обвинены в административных правонарушениях, не требует отдельного рассмотрения.

96. В свете всего выше сказанного, Суд заключает, что имело место нарушение статьи 11 Конвенции в отношении мистера Каспарова, мистера Тарасова и мистера Торопова.

III. ДРУГИЕ ЗАЯВЛЕННЫЕ НАРУШЕНИЯ КОНВЕНЦИИ

97. В заключение, заявители подали жалобы о нарушении статей 7 и 18 Конвенции. Суд рассмотрел эти жалобы. Однако, последовательно изучив все представленные материалы, в той мере в какой это соответствует его компетенции, Суд не выявил каких-либо еще признаков нарушений прав и свобод, содержащихся в Конвенции или её Протоколах. Из этого следует, что эта часть жалобы заявителей недостаточно обоснована, и в признании нарушений прав отказано в соответствии со статьей 35 §§ 3 (а) и 4 Конвенции.

IV. ЗАЯВЛЕНИЕ ПО СТАТЬЕ 41 КОНВЕНЦИИ

98. Статья 41 Конвенции гласит:

“Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне”/

A. Ущерб

99. Заявители потребовали по 10 000 евро (EUR) каждый в счет возмещения морального вреда.

100. Правительство оспаривает эти требования как необоснованные и чрезмерные. Оно заявляет, что эти суммы были заявлены в связи с жалобами на жестокое и унижающее достоинство отношение со стороны милиции, не соответствуют предмету настоящего дела.

101. Суд усмотрел нарушение Статьи 6 в отношении первых восьми заявителей, а также нарушение статьи 11 в отношении г-на Каспарова, г-на Тарасова и г-на Торопова. Суд далее отмечает, что заявители очевидным образом апеллируют к статьям 6 и 11 в своем обращении за компенсацией морального вреда. В противоположность мнению Правительства, обращение заявителей за компенсацией не основано на их недовольстве по поводу «грубого обращения» во время задержания и унижений во время административного процесса. Их обращение за компенсацией морального вреда является неотъемлемой частью их жалоб, относительно которых были выявлены нарушения.

102. В этих обстоятельствах, Суд полагает, что страдания и фрустрация заявителей не могут быть компенсированы одним лишь признанием факта нарушения. Производя оценки на справедливых основаниях, Суд назначает следующие суммы компенсаций морального вреда:

- г-ну Каспарову, г-ну Тарасову и г-ну Торопову по 10 000 евро (EUR) каждому, плюс любые налоги, которые могут взиматься с этой суммы;

- г-ну Харламову, миг-ну Калашникову, г-ну Штельмаху, г-ну Орлу и г-ну Мелихову по 4000 евро (EUR) каждому, плюс любые налоги, которые могут взиматься с этой суммы.

В. Судебные издержки

103. Также заявители обратились за возмещением издержек, связанных с судебными процессами в национальных судах, а также в данном Суде, в частности, за возмещением гонораров трем адвокатам, г-же Москаленко, г-же Михайловой и г-же Полозовой, в сумме 3 500 евро (EUR) каждой.

104. Правительство оспорило требования заявителей о компенсации судебных издержек на основании, что не были представлены юридически оформленные договоры с адвокатами, по которым нужно было бы выплачивать заявленные суммы.

105. В соответствии с принципами прецедентного права, которых придерживается Суд, заявитель имеет право требовать компенсацию судебных издержек в размере, который является обычным и необходимым для проведения судебного процесса и составляет разумную сумму. Суд видит, что г-жа Москаленко, г-жа Михайлова и г-жа Полозова представляли пять из девяти заявителей на протяжении всего процесса в Суде; в частности, они подготовили их жалобы и иные документы по их делу. Таким образом, Суд удовлетворяет просьбу о компенсации гонораров представителей перед Судом в размере 10 500 евро (EUR) плюс любые налоги, которыми эта сумма может быть обложена. Присужденная сумма должна быть выплачена напрямую на банковский счет г-жи Михайловой в соответствии с просьбой заявителей.

С. Пеня за просрочку

106. Суд считает целесообразным, чтобы пеня за просрочку выплаты основывались на предельной учетной ставке Европейского Центрального Банка, к которой должны быть добавлены три процентных пункта.

НА ОСНОВАНИИ ВЫШЕИЗЛОЖЕННОГО, СУД ЕДИНОГЛАСНО ПОСТАНОВИЛ:

1. *Признать* приемлемыми жалобы первых восьми заявителей по статье 6 и жалобы первого, второго и пятого заявителей по статьям 10 и 11, а остальные жалобы заявителей – неприемлемыми.
2. *Признать* нарушение статьи 6 Конвенции в отношении первых восьми заявителей;
3. *Признать* нарушение статьи 11 Конвенции в отношении первого, второго и пятого заявителей;
4. *Признать* отсутствие необходимости рассматривать представленные жалобы в соответствии со статьей 10 Конвенции.
5. *Признать*
 - (a) что Государство-ответчик должно заплатить заявителям в течение трех месяцев с момента вступления постановления в силу в соответствии со статьей 44 § 2 Конвенции, следующие суммы в переводе в российские рубли в соответствии с курсом, соответствующим дате решения:
 - (i) EUR 10,000 (десять тысяч евро), плюс любой налог, которым данная сумма может быть обложена, первому, второму и пятому заявителям в качестве компенсации морального вреда;
 - (ii) EUR 4,000 (четыре тысячи евро), плюс любой налог, которым данная сумма может быть обложена, третьему, четвертому, шестому, седьмому и восьмому заявителям в качестве компенсации морального вреда;
 - (iii) EUR 10,500 (десять тысяч пятьсот евро), плюс любой налог, которым данная сумма может быть обложена, в качестве компенсации судебных затрат, должны быть переведены на банковский счет госпожи Михайловой;
 - (b) после истечения вышеупомянутых трех месяцев до завершения выплат, начисляется пеня с назначенных сумм в размере, предельной учетной ставки Европейского Центрального Банка, к которой

должны быть добавлены три процентных пункта.

6. *Отклонить* остальные жалобы заявителей.

Составлено на английском языке, и зарегистрировано в письменной форме 3 октября 2013, в соответствии с Правилom 77 §§ 2 и 3 Регламента Суда.

Сьёрен Нильсен
Секретарь

Изабель Берро-Лефевр
Президент